

МОЛИТВЫ

Молитвы обращены к главному удмуртскому богу Инмару, точнее, “Инмар-Кылчину”. Остается загадкой, почему имя именно такое. Второй элемент, Кылчин, вызывает вопросы. В удмуртской традиционной мифологии есть другое важное божество, гораздо более близкое к людям, чем Инмар, *deus otiosus*: это *Кылдысин*. Он подарил людям золотой век, ходил по земле и был близок к людям, пока не разгневался и не удалился в верхние сферы. С точки зрения лингвистики, он – “творец” (по-удмуртски *кылдытыны* означает “создавать, творить, образовывать”). Слово кылчин может быть уменьшительным от *Кылдысин*. В то же время это самостоятельное слово, используемое для обозначения защитника, ангела. Владимир Емельянович Владыкин отмечает, что сегодня в Удмуртии, где преобладает православное влияние, “Инмар-кылчин – один из образов Иисуса Христа, в языковом выражении синоним, часто ангел-хранитель” (Владыкин 1994: 181–183). Таким образом, удмуртские молитвы, которые возносятся сегодня во время удмуртских жертвенных ритуалов, обращены к этой практически не делимой диаде. Оба элемента в молитве синтаксически передают притяжательность: мой Инмар, мой Кылчин (*Инмаре Кылчине*). Такое обращение, несмотря на его двойственность, усиливает представление о верховном Боге и склонность к монотеизму, что неудивительно, поскольку удмурты окружены мощными монотеистическими религиями, хотя и не означает, что многобожие полностью исчезло. Свидетельством тому является то, что в текстах некоторых молитв наряду с обращением *тон* (удм: “ты”, привычное второе лицо единственного числа), иногда встречается множественное число – *тй* (удм: “вы”, форма множественного числа). Правда, молитв к другим божествам сегодня мало. Более того, когда мы используем междометие “О, мой Бог”, удмурты используют “*Осте, Инмаре*”, что является функциональным эквивалентом. Однако нельзя не отметить, что в закамских удмуртских районах нередко можно услышать междометие “Уфалла”, которое напоминает нам о том, что мусульмане живут совсем рядом. Однако, что еще остается от политеизма, так это множество духов, населяющих землю. Люди могут обращаться к ним, и хотя в наших полевых исследованиях в начале XXI века мы не нашли ни одной официальной молитвы в их честь (духи дома, бани, сарая, леса, воды, ветра и т.д.), среди предыдущих записей встречаются очень разные адресаты. Некоторые из них благожелательны и защищают, другие могут быть враждебны, третьи могут быть трикстерами.

Когда жрец или – во время *мөр вöсь* – жрецы молятся, они встают в ряд. У каждого жреца своя молитва. Иногда они одновременно

прерывают ее, чтобы произнести: “*Омин*” – поклон. При этом слове все участники, стоящие на коленях позади жреца, кланяются, касаясь головой земли.

Согласно традиции, жрец перенимает молитву от старших жрецов. Они заучивают ее “воруя”⁷⁹ (удм. диал: *нушканы*) (Sadikov 2019: 242): это означает, что они не заучивают ее специально, но запоминают, потому что слышали ее очень часто. Это настоящая устная передача и гарантия магической силы молитвы. Некоторые из старших жрецов, с которыми мы встречались, получили свой текст именно таким образом, например, Раис Рафиков.

Однако этот способ передачи уже не работает. Советские условия не позволяли молодым людям посещать обряды достаточно регулярно, чтобы тексты молитв закрепились в памяти.

Сегодня, за несколькими упоминавшимися исключениями, модели передачи иные. Старшие жрецы публикуют молитвы, как например, Назип Садриев, а молодые жрецы опираются на тексты. Повсюду молитвенные тексты были записаны и распространяются в письменной форме. Так что если раньше передача была полностью устной, то теперь основным инструментом является письменность.

Для некоторых исследователей существует фундаментальное противоречие между этими двумя методами, но мы так не считаем. Действительно, поначалу молодые жрецы читали молитвы, опираясь на письменные тексты. Но с опытом они будут запоминать молитвы, и письменные тексты на практике будут использоваться все реже и реже. Таким образом, вариативность будет неудержимо вноситься, несмотря на то что письменная передача может привести к фиксации молитвы. Устная передача, что-то вроде традиционного фольклорного жанра, неизбежно останется. Мы проследили этот процесс, наблюдая за молодым жрецом Фридманом из д. Малая Бальзюга на протяжении всех лет нашей полевой работы, почти с самого начала его “карьеру”. Сначала он послушно читал напечатанный текст, но с годами он стал чувствовать себя более комфортно и все меньше полагался на бумагу. Теперь он даже позволяет себе импровизировать (ПМА 2016⁸⁰).

⁷⁹ Ранус Садиков приводит слова информатора из Большекачаково (Калтасинский район), который сказал ему в 2006 г.: “*Вось кылэз дышетсконо өвёл, нушкано гыне*”: “Слова молитвы нужно не выучить, а украсть”.

⁸⁰ Наблюдение Николая Анисимова во время *Тол мör вöсь* 9/12/2016, с. Новые Татышлы.

Галиханов признался, что тоже учился на бумаге, но теперь свободно импровизирует (ПМА 2016⁸¹).

Вопрос адаптации молитвенных текстов к современности является важным. Можно ли изменять унаследованные тексты? Кто имеет право это делать? Этот вопрос давно волнует жрецов. Собственно, адаптация произошла уже в советское время с введением понятий о колхозном благополучии и исчезновении приговоров о здоровье и благополучии царя, – сама эпоха обязывала подстраиваться.

Сегодня заботы жителей деревни изменились. Конечно, основные требования остались – здоровье людей и скота, плодородие, хороший урожай, мягкие дожди. Но появились и другие заботы: беспокойство за будущее поколение, искушаемое миграцией, и за те соблазны, которые подстерегают их в широком мире, например, наркотики, преступность. Некоторые смелые жрецы, такие как Анатолий Галиханов, добавили эти беспокойства к традиционным формам. Другие, более консервативные, обсуждали это между собой, как например, жрецы алгинской группы, изменившие свой текст в 2019 году, чтобы сделать его более близким к заботам народа. Фактически они позаимствовали некоторые фразы из новых молитв Галиханова. Владимир Галиев, жрец молодого поколения в Асавке, был обеспокоен отсутствием явной благодарности богам в молитве, поэтому с согласия старейшин добавил несколько предложений в начало текста.

Посмотрим некоторые тексты, произносимые в Татышлинском районе во время различных ритуалов. Мы представим некоторые ранние тексты и некоторые, собранные нашей командой с 2013 по 2019 год.

Что не меняется, так это общее содержание просьб и рамки, в которых они произносятся. В начале молитвы есть предложение, определяющее ситуацию: “Мы собрались”. На самом деле это хорошо известное начало, используемое и в христианских церемониях. Завершают молитву обычно формулы, просящие у Бога снисхождения: “возможно, мы не совсем правильно говорим, возможно, мы произнесли молитву в неправильном порядке, у нас нет книги”. Несколько раз во время молитвы жрец просит Бога принять молитву с благосклонностью. Он также просит Бога принять с благосклонностью то, о чем люди не просили, но чего они желают: Бог читает желания в уме каждого. Все исходит от Бога, то, что он дает, – это “его” теплый дождь, “его” счастье, что очень четко выражено частым использованием личных суффиксов. В этих рамках существует два вида просьб. С одной стороны, ключевым словом является

⁸¹ Беседа Евы Тулуз, Рануса Садикова и Николая Анисимова с Анатолием Галихановым, 06/06/2016.

“дай”, которое выражается в очень разнообразных выражениях как грамматически, так и лексически. Другое ключевое слово – “защищать”, от природных катаклизмов (дождь, ветер), огня, болезней, плохих людей и плохих вещей. Природные катастрофы тоже исходят от Бога: “его” пожары, “его” ветры. Плохие люди – это, как правило, те, кто способен проклинать на удмуртском языке: те, кто угрожает “съесть тебя, выпить тебя, взять тебя”. Это явная отсылка к ремеслу колдовства, которое питается энергией своих жертв.

Мы представляем эти тексты на трех языках – удмуртском, русском и английском. На данный момент мы представляем удмуртские тексты в эмпирической транскрипции, на которую опираются жрецы, а не в научной диалектологической транскрипции, которую мы попытаемся создать позже. Эта транскрипция представляет собой смесь удмуртского литературного языка и диалектных особенностей, но не пытается быть абсолютно точной в представлении всех особенностей. Сами жрецы точно знают, как произносить каждое слово, так как они читают на своем диалекте. В английском переводе сделана попытка дать точное изложение удмуртского текста.

Фильмы

Съемка фильмов была важным компонентом полевых работ с самого начала нашего исследования закамских удмуртов. Большая часть съемок была сосредоточена на публичных молитвенных обрядах. Лийво был главным кинорежиссером в исследовательской группе, но другие – Ранус, Николай, Лаур и Ева – также внесли большой вклад в аудиовизуальное документирование ритуальной жизни. Даже Денис Корнилов, кинорежиссер из Удмуртии, дважды присоединялся к команде, чтобы помочь со съемками. Помимо молитвенных ритуалов, команда также записывала обряды в более интимной обстановке в Татышлинском районе и других местах. Мы считаем, что запись публичных обрядов и ритуалов оправдана по нескольким причинам.

Во-первых, эти церемонии имеют высокую культурную ценность, которую необходимо показать всему миру. Обычно мировоззрения, не связанные с мировыми религиями, маргинализируются, даже игнорируются, особенно в православной России. Даже большинство удмуртов, живущих в Удмуртии и давно перешедших в православие, мало знают об анимистической традиции, сохранившейся в диаспоре. Снимая ритуальные практики в Татышлинском районе, мы хотели внести свой вклад в более широкое признание существования анимистических обрядов